

ПРОСТО ОН РАБОТАЕТ ВОЛШЕБНИКОМ

Давно уже стала классической фраза, некогда произнесенная Станиславским: «Театр начинается с вешалки». Если же вопрос «С чего начинается театр?» задать Эдуарду Самохвалову, то он наверняка вспомнит свою первую встречу с актерами, сценой, театральными звонками.

Тогда он был совсем еще мальчишкой, и звонки ходили на школьные. В зал входил с торжественностью и ожиданием чуда. Замирал при движении занавеса, распахнутыми глазами смотрел на тех, кто стоял на метр выше его, на театральных подмостках...

То, что некогда было сказано Станиславским, в его душе давно перефразировано: «Театр начинается от любви к нему». А

те, кто утверждают, что мир делится на физиков и лириков, наверняка не относятся ни к тем, ни к другим. Именно в стенах Хабаровского театра драмы для Эдуарда сфокусировались и любовь к технике, и пылкое чувство к искусству. Он сумел остаться верным театру и не изменить физике.

Однажды Самохвалов пришел к директору театра и спросил:

— Волшебники нужны? Волшебники были нужны. Но директор, хоть и работал в театре, относился к категории очень серьезных людей, которые считают, что чудес на свете не бывает. Он предложил Самохвалову работу электрика-осветителя, на всякий случай пообещав, что, возможно, тот когда-нибудь и станет волшебником.

Обещанного, как говорится, три года ждут. Время старательно передвигало стрелки часов, нагромождало пирамидой будни и праздники. Все катило своим чередом: репетиции, премьеры, спектакли и опять репетиции... И вот однажды актеры переглянулись с гримерами, гримеры с реквизиторами, а те, в свою очередь, с художником по свету товарищем А. Ждановым, и все хором произнесли:

— Да он же... волшебник!

Затем все кинулись поздравлять новоиспеченного кудесника.

Может, это было немножко иначе... Кто знает... Однако было. В театре все может случиться.

Зритель бывает хороший и плохой. Явление довольно заурядное. Но Эдуарду искренне жаль

этого «плохого зрителя», который не понимает, почему в «Глазках на двух ногах» актер садится на стол к судье, не понимает музыки, не понимает декораций, костюмов, не понимает света!

Каждый спектакль — это и его детище. И всегда на премьере возникает именно то самое волнение, которое всю жизнь будет ощущать каждый актер, режиссер и все те, кого не видит зритель, чьи имена порой не упоминаются в театральных программах. А до премьеры — работа, работа, работа... Тысячу раз неправ тот, кто считает труд технического персонала обыкновенным исполнительством. В театре работают только художники. От него, как и от остальных, тянутся тоненькие ни-

точки взаимосвязей. Не режиссер театра Найденов не устает повторять:

— Ищите свет!

Именно свет дает закаты и восходы, оживляет улицу огнями фонарей, фарами бегущих по магистралах автомашин. Свет дает объемность декорациям, зелениет листву старой рощи, учит порхать бабочек, гармонично переплетается с музыкой. Перспективы использования цветовой гаммы огромны. Впереди — поиски.

Современный театр многолик. Можно сыграть «Анну Каренину» в трех колоннах, на оголенной сцене. Пусть не будет кулис, и зрителю представляются кирпичи театральных стен, железные трубы пагод. Анна Каренина может лишиться пышного туалета и будет погибать на авансцене в черном трико... Исчезнуть могут декорации и костюмы, может замереть музыка — но останется... свет.

Н. КРОВЯКОВА,
нешт. корр.